

Дом на Сороти

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

Он встает на заре. Затапливает печь. Утро окрашивает малиновым цветом верхушки оконных стекол. Дом, крайний на усадьбе, начинает струить легкий дымок. Из окна видны закованные в серебро дубы и липы, занесенная снегами Сороть, зелено-черный бор вдали.

А на дворе собираются пичуги. И ждут, когда человек откроет форточку и высыплет на крышу пристройки, что расположена под окном, ежедневный привычный «пакс», так необходимый им, не улетающим на зиму из северных краев. Воробьи и синицы, снегири и галки — сколько их перебивает здесь в этот ранний час... Случается, хозяин дома, Семен Степанович Гейченко, заработавшись допоздна, разрешает себе подняться на часок позже. Однако не тут-то было! Вежливо, но настойчиво в окошко постучат: тук-тук-тук... «Ты что, забыл? Вставай!»

— Иду, иду, — и открывается форточка.

Весной и летом, с утра до ночи в борах, рощах, в синеве небес над полями, сплетаясь с шумом листьев и журчанием ручьев, льется разноголосый, ликующий гимн жизни.

Пушкин, открывший для себя здесь русскую природу, заслушавшись, забывал свои невзгоды. И тогда...

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь
буйный,

Иль иволги напев живой...
Семен Степанович вспоминает, как великий старец — скульптор С. Коненков, приехав сюда, увидев и услышав

здешнее празднество музыки и красок, растрогался до слез и сказал: я понимаю, почему Пушкин не нашел на всем свете места лучше Михайловского.

...6 июня 1941 года С. С. Гейченко, музейный работник Ленинграда, с мандатом уполномоченного Академии наук по организации Пушкинского праздника, верховодил на Михайловской поляне. Эти праздники стали проводиться с 1937 года. Нынешние, привычные уже, дни поэзии берут начало оттуда.

И может быть, тогда эти места, хранящие незримое присутствие поэта, запали в сердце Гейченко.

Еще гремела война, когда он, худой и бледный, после тяжелого ранения, в кителе без погон и с пустым рукавом вернулся сюда навсегда.

Заповедника не было. Фашисты, отступая, сожгли дом поэта. В окрестных рощах повсюду мины и колючая проволока. Под трехсотлетним дубом, патриархом здешних лесов, был оборудован дот. Лишь благодаря стремительному натиску наших войск фашисты не успели разрушить Святогорский монастырь, у белых стен которого покоится прах поэта.

Все тогда было в развалинах. Люди жили в землянках. Но в начале июня 1945 года на Михайловской поляне собрался народ. Высокий, стремительный в движениях человек, только что назначенный директором заповедника (в нем многие узнали того, кто приехал сюда перед войной), читал Пушкина. И к памятнику поэта по крутым мона-

стырским ступеням вновь поднимались люди. И вновь к подножию ложились цветы.

Залечивал раны музей-заповедник. В лесах и рощах опять наметились тропки, протоптанные людьми, приходящими к Пушкину. Директор и главный хранитель Пушкиногорья из землянки перешел в дом на краю усадьбы. Он тоже восстановлен, как дом Пушкина, домик няни и все вокруг. Открылось Тригорское, где в Пушкина было столько счастливых минут. Открылось Петровское, вотчина предков поэта. Поднял этажи районный центр Пушкинские Горы и превратился в уютный современный городок.

И уже много раз Семену Степановичу предлагали переехать в благоустроенную квартиру, где не надо колоть дрова и топить печь, где по утрам комнаты не выстывают, как у него в старом доме, где не надо ходить по воду. А он и слышать об этом не хочет. Удобства, конечно, вещь хорошая. Но будет ли у него то, что ему послано судьбой?

Перед вечером, когда усадьбу покидают последние экскурсионные группы и специальный автобус увозит сотрудников заповедника домой в райцентр, в Михайловском становится необычайно тихо. Закончен трудовой день, полный забот и дел, связанных с большим хозяйством. Директор заповедника вновь садится у окна с видом на Сороть. На столе — очередная рукопись, письма, книги. И, может быть, в этот час незримо и привычно входит сам Александр Сергеевич. Сбросив шубу,

протягивает к пылающей печурке озябшие руки. И у них идет беседа, начавшаяся еще тогда, когда хранителю Пушкиногорья было чуть больше сорока, и продолжающаяся теперь, когда ему уже восемьдесят.

И. Андроников, хорошо знающий Семена Степановича, подметил, что он живет в каком-то удивительном духовном состоянии пушкинского времени. Для него наш великий поэт — современник. Кажется, он знает о нем все, точно прожил с ним рядом, находясь неотлучно, целую жизнь. Он дышит воздухом, которым дышал Пушкин, слышит птиц, певших ему, видит ту же Сороть, те же неоглядные дали, пьет воду из того же колодца, живет и работает бок о бок с потомками тех, кто жил рядом с Пушкиным, пел ему песни, рассказывал

сказки, поверял свои беды и радости.

Все это дало нынешнему обитателю усадьбы счастливую возможность представить с наибольшей полнотой и достоверностью михайловский период, сыгравший огромную роль в творчестве Пушкина, период, когда он из первого стихотворца своего времени вырос в величайшего национального поэта.

Во всем, что делается в заповедных местах, каждая деталь многократно выверена, каждый штрих не случаен. И потому и усадьба, и все вокруг предстают такими, какими могли быть при Пушкине. А за всем этим — многолетний подвижнический труд коллектива во главе с главным хранителем, бесчисленные поездки, поиски, раздумья.

«Пушкин и Пушкиногорье

живут в нашем сознании неотъемлемо, как родной дом, родная земля, родная история, — пишет С. С. Гейченко, предвзято одну из своих книг. — Все пушкинское — свято. Эта мысль владеет мной давно, много десятилетий. Именно она привела меня сюда, к его пенатам, открыла тайны из тайн в человеческом духе».

В Пушкиногорье особенно явно чувствуется незримое присутствие поэта. Великий и вечный, он с улыбкой, дружески протягивает руку каждому, кто приходит к нему.

В. ВОРОБЬЕВ.

(Корр. «Правды»).

Михайловское,
Псковская область.

На снимке: С. Гейченко в Михайловском.

Фото Н. Боднарчука.

